

М Е Р И Е Л Ш И Н Д Л Е Р

УТРАЧЕННОЕ

КАФЕ

У

ШИНДЛЕРОВ

ИСТОРИЯ ХОЛОКОСТА И СУДЬБА
ОДНОЙ АВСТРО-ВЕНГЕРСКОЙ СЕМЬИ

Мериел Шиндлер Утраченное кафе «У Шиндлеров». История Холокоста и судьба одной австро-венгерской семьи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67152681

*Утраченное кафе «У Шиндлеров»: История Холокоста и судьба одной
австро-венгерской семьи:
ISBN 978-5-389-20907-7*

Аннотация

Говоря и думая о XX веке, мы порой упускаем из виду детали, эпизоды, отдельные судьбы, которые теряются на фоне глобальных грозных событий, но они не менее важны.

Мирная жизнь Инсбрука и чарующая, отражающая культурные традиции Австро-Венгерской империи атмосфера открытого в 1922 году кафе «У Шиндлеров», где люди танцевали, заводили романы и где подавали самый вкусный яблочный штрудель во всей Австрии, – все оборвалось с приходом к власти нацистов. Члены семьи были разбросаны по миру, и правда об их жизни оставалась неизвестной до того времени, когда автор этой книги, «войдя в большой мир Богемии девятнадцатого столетия и Австрии двадцатого, двух мировых

войн, падения империи, отравы антисемитизма и нацистской диктатуры», собрала воедино утерянные фрагменты пазла. Это рассказ не только о трагических потерях (некоторые члены семьи Шиндлер погибли в лагерях Терезиен-штадт и Освенцим), но в конечном счете о возрождении и примирении.

«Все детство нас окружали самые разные истории. Я приняла твердое решение понять отца, отделить правду от вымысла в его рассказах, точные воспоминания от неточных, а для этого мне предстояло с головой погрузиться в его прошлое и хитросплетения большой, длинной семейной истории. Мне предстояло основательно познакомиться с историей Австрии, понять, каково было жить в беспокойной стране, с высот своего имперского величия упавшей в пучину Первой мировой войны, едва не исчезнувшей и все-таки поглощенной Третьим рейхом. Мне предстояло точно узнать, что случилось с “империей Шиндлеров”». (*Мериел Шиндлер*)

В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Пролог	7
Часть первая	31
1	31
2	57
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Мериел Шиндлер Утраченное кафе «У Шиндлеров»: История Холокоста и судьба одной австро-венгерской семьи

Необыкновенно интересное и откровенное произведение. Отдаю должное стойкости и смелости автора.

Эдмунд де Вааль, художник, автор книги «Заяц с янтарными глазами: Скрытое наследие»

Погрузившись в прошлое, автор по крупицам собрала воедино необыкновенно увлекательную и удивительно трагическую историю семьи, которая не ограничивается генеалогией. В книге дается широкая панорама жизни евреев в Австро-Венгрии, вскрывающая корни антисемитизма... Сильнейшее высказывание.

Sunday Times

Книга, в основе которой лежит добросовестное исследование, представляет собой сплав непростой, подчас подлинно трогательной истории одной семьи и

истории евреев в Австро-Венгрии.

Times

Книга со множеством подробностей, от которой невозможно оторваться.

Jewish Chronicle

Meriel Schindler

THE LOST CAFÉ SCHINDLER

One Family, Two Wars and the Search for Truth

Впервые опубликовано на английском языке издательством W. W. Norton & Company

© Meriel Schindler, 2021

© Камышникова Т.В., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2021

КоЛибри®

Посвящается Джереми Тейлору и троим нашим детям, Сефе, Джорджи и Заку, а также всем погибшим и пропавшим без вести во время двух мировых войн

Пролог

Детство с Куртом

Хэмпшир, Англия, Рождество 2016 года

Я подъезжаю к маленькому, выдавшему виды коттеджу, где живет мой отец. Крохотный сад совсем растворился в сумерках, но даже хорошо, что я ничего не могу как следует разглядеть. Сад был любимым детищем моей матери, Мэри, ее не стало около года назад, и сад успел основательно зарастить.

Мой отец, Курт Шиндлер, сидит чуть ли не в потемках и перебирает разложенные на коленях листы бумаги. Он пишет то на одном, то на другом, и разобрать его каракули совершенно невозможно. Я включаю свет, но он ему не очень-то и нужен. Одержимость в натуре отца; эта сцена – лишь слабое подобие тех, которые разыгрывались много лет подряд, когда, еще не совсем выжив из ума, он показывал мне документы, добиваясь моего одобрения то по одному, то по другому вопросу. Ему хотелось согласия, а не разногласия.

Я сижу у него чуть больше часа. Хочется поскорее уйти, оставаться дольше нет сил, слишком уж мне больно. Это наша последняя встреча. На моей памяти Курт лишь раз, в самом начале 1970-х годов, оказался на должности подчиненного, но продержался на ней совсем недолго. Он совершен-

но не переносил указаний, что и как делать, и предпочитал работать не на кого-то, а на самого себя. Всю жизнь он учреждал и возглавлял самые разные торговые компании, ввозил из-за рубежа орехи, приправы, витаминные добавки, джем, алкоголь и перепродавал их, часто в убыток себе же. О том, чтобы правильно поставить свое дело и вести бухгалтерию как следует, он даже не помышлял. А часто и вовсе не рассчитывался с поставщиками, предпочитая обращать доходы от своей нехитрой коммерции в судебные издержки на дела против тех, кто, по его мнению, причинил ему ущерб.

Стоило очередной компании Курта потерпеть крушение под бременем долгов и судов, он обращался к юристам, а то и к психиатрам, чтобы те помогли ему выпутаться из очередной финансово-юридической неразберихи. Подобно человеку с болезненной склонностью к азартным играм, он давал самые горячие клятвы больше никогда и ничего не продавать и не покупать, но тут же нарушал их, оправдываясь тем, что другого выхода у него не было.

Как-то, в минуту откровенности, он признался, что ему была по душе такая «жизнь на краю». То, что так же приходилось жить его жене и детям, было для него не более чем просто фактом. Курт-отец был не в состоянии поддерживать маломальскую стабильность, и нашу семью бросало из крайности в крайность. То мы жили в дорогих домах, разъезжали в BMW, учились в лучших частных школах и отдыхали в шикарных отелях; а то мы еле сводили концы с концами,

скрывались от тех, кому задолжали, не понаслышке знакомилась с выселением и даже спешно выезжали за границу. Часто все это происходило одновременно. В детстве это и пугало, и приводило в полнейший восторг.

В начале 1970-х годов мы с младшей сестрой Софией, бывало, по целым дням сидели совсем одни в нашем небольшом доме в Кенсингтоне, пока родители колесили от одного лондонского юриста к другому. Судебных приставов мы боялись как огня. Прекрасно помню – мне было лет десять, – как один из них барабанил в нашу входную дверь. Нам было строго-настрого приказано никому не открывать, если дома не было родителей, и мы с Софи бросились ничком на деревянный пол второго этажа и затихли, как две мышки.

Я подползла чуть-чуть вперед, к самому краю винтовой лестницы, и свесила голову с первой ступеньки, так, что в пролет дверь была хорошо видна. Металлический язычок почтового ящика, казалось, вот-вот оторвется. Я еле дышала. И вдруг, в совсем уж отчаянный момент, мои глаза встретились с глазами человека за дверью. Он присел на корточки. Похоже, увидеть лицо девочки, уставившейся на него с верхней площадки лестницы, для него было так же неожиданно, как для меня встретиться с его взглядом, и он поспешно ретировался. Так бедолаге и не удалось вручить отцу судебные документы. Пристав продул Шиндлерам с позорным счетом 0:1. Получилось еще раз оттянуть нескончаемое дело, сути которого я так до конца и не поняла.

Но все же фортуне надоело нянчиться с отцом. Это произошло утром 28 февраля 1973 года, когда он высаживал нас из машины перед входом в Кенсингтонскую начальную школу. Помню, два полицейских офицера в гражданском подошли к машине и попросили Курта пройти с ними. Нас с Софией быстро завели в школу, а его увезли под арест.

Моя крестная дала деньги под залог освобождения, и вскоре Курта отпустили на свободу. С тех пор жизнь нас всех стала зависеть от его строгого режима. Раз, когда полицейские явились к нам, я лежала в постели с простудой. Они требовали, чтобы я приподняла свое одеяло, крытое темно-красным атласом: подозревали, что под ним отец мог спрятать какие-нибудь бумаги. Ему же это даже в голову не пришло: в такого рода планах он был не силен. В полном смятении я раздавила зубами градусник, который держала во рту, и зачарованно следила, как серебристые шарики ртути катились друг за другом по стежке одеяла.

В школе я была тихой, послушной, правда любила иной раз всплакнуть. Учительница французского языка однажды озабоченно спросила, все ли в порядке у меня дома. Я ответила, что все в порядке, и с тех пор очень следила за тем, чтобы не пустить слезу в школе. Мне было бы неудобно откровенничать с ней. Я никому не доверяла.

В бумагах Курта мне попало обвинительное заключение 1975 года, из которого стало ясно, как именно он вел дела своих многочисленных торговых компаний. Обвинитель

подметил: какую бы цену ни назначил поставщик, Курту она не казалась высокой, но товар он всегда приобретал только в кредит. Ход мысли обвинителя был совершенно понятен: Курт *и не собирался* платить своим поставщикам. Однако я думаю иначе. Грянул очередной кризис, и вся выручка от продаж ушла на погашение самого срочного долга. Это была не хорошо обдуманная хитрость, а побочный продукт хаоса, царившего в его голове да и, пожалуй, во всей его жизни.

Когда полицейские спрашивали отцовских кредиторов, как можно было отпускать такие большие партии товара в кредит, те отвечали: он внушал полное доверие и самим размером заказа, и исключительным знанием международного рынка. Очень даже может быть. Я прекрасно помню, как он буквально часами уговаривал их, сидя с телефоном на двупальной родительской кровати.

В обвинении указывалось, что многие свои дела Курт вел по телексу. И действительно, я хорошо помню телексный аппарат. Еще совсем маленькой я любила сидеть в темно-сером металлическом коробе, на котором он стоял, и фантазировать, что это вход в волшебный мир, где можно гулять сколько хочешь и вовсе не думать о том, какая непростая жизнь у нас дома. Я слушала, как из аппарата вылезали длинные бумажные ленты, испещренные буквами. У меня даже была обязанность – уничтожать их, разрывая на мелкие-мелкие кусочки, и делала я это очень тщательно. Курт всегда очень заботился о сохранении конфиденциальности. Он свято ве-

рил, что экономическая полиция прослушивает наш дом, и драматическим шепотом прерывал все наши расспросы о том, что происходит.

После ареста Курт целых два года то предоставлял всяческие медицинские справки, то стремительно менял юристов. Это была образцово-показательная тянучка. Трудно поверить, но тогда, прямо под носом у полиции, он снова занялся торговлей и, как всегда, влез в огромные долги, ввезя 10 800 галлонов французского и испанского вина и, разумеется, не заплатив поставщику.

Но всему когда-нибудь приходит конец. В июле 1976 года, самом жарком в Лондоне за 350 лет, Курт предстал-таки перед судом в Олд-Бейли и получил пять лет за мошенничество на общую сумму 370 000 фунтов стерлингов. Обвинитель заявил суду, что с тех времен, когда Курт подростком прибыл в Англию, он не платил ни налогов, ни страховых взносов. Судья пришел в ужас и спросил: «Так что же он здесь делает??? Ни полиса, ни пенни в налоговую!»

Одна из газет совсем уж извратила факты: будто бы Курт и приехал-то в Лондон специально, чтобы заниматься всякими темными делишками, – и довольно коряво срифмовала «Шиндлера» с «шулером». Судья вынес Курту приговор за преднамеренное банкротство и на пять лет лишил его права занимать директорские должности.

Для моего отца, на пятьдесят первом году жизни угодившего на скамью подсудимых в Олд-Бейли, мир перестал быть

прежним. Нас, его семью, выселили из жилья в Кенсингтоне, и несколько месяцев мы провели в заброшенном доме в районе Илинг, воспользовавшись любезностью моей старшей сестры Каролины. Помню, как бурели на солнце парки и от нагретого асфальта несло жаром, когда мы загрузили вещи во взятый напрокат грузовичок и двинулись в небольшой таунхаус, самовольно занятый Каролиной и ее друзьями.

Это была вполне благопристойная коммуна свободных художников. Никого вообще не волновало, что в комнате наверху появилась одинокая мать с двумя детьми и мебелью. Они обращались с нами очень тепло и подкармливали, когда мы остались совсем без денег. Я тогда как раз пошла в новую школу, Годольфин и Летимер, но мой необычный адрес оставался для одноклассников строжайшей тайной. Моя мать очень радовалась, что тогда эта школа была бесплатной, но, когда я закончила два класса, ее сделали частной.

Через несколько месяцев мы вернулись-таки в Кенсингтон, но только в маленькую квартиру муниципального дома. Мне она казалась красивой и просторной. Располагалась она необычно, выходила окнами на висячие сады, устроенные над гаражом и помещениями местного совета. Больше всего мне запомнилось ощущение стабильности оттого, что у нас наконец появился свой дом, из которого нас ни за что не выставят.

Моя мать, Мэри, была женщиной находчивой и сумела устроиться секретарем в упаковочной компании. Владель-

ца-американца она совершенно покорила безупречными манерами и эталонным английским произношением, когда отвечала по телефону. Ей пришлось выполнять родительские обязанности за двоих, и она отлично сумела поставить на ноги двух дочерей. Нас спасали ее здоровое чувство юмора и беззаветная любовь, но все равно Курта ей сильно не хватало. Пока он не вышел на свободу, ее жизнь как бы стояла на паузе. Каждые две недели мы навещали отца в тюрьме. Иногда с нами ходила и мать Курта, Эдит. Она жила в доме престарелых района Харроу-он-Хилл. Она говорила с сильным немецким акцентом, а сын был центром ее мироздания. Эдит было трудно и больно видеть Курта в заточении. Наши тюремные свидания всегда проходили очень скованно. Другие семьи оживленно болтали и пересмеивались; возникал даже некий флер сексуальности, когда охранники снисходительно делали вид, что не замечают, как девушки присаживаются на колени к своим осужденным парням. У Курта же всегда был четкий план и длинный список поручений для моей матери. Он писал его шариковой ручкой на руке.

Мы слушали его рассказы о тюремной жизни. В обязанности Курта входило шитье тряпичных кукол серии Cabbage Patch Kids и раскрашивание садовых гномов; эти занятия его просто бесили, потому что ни к тому ни к другому он был категорически не приспособлен. Он рассказывал нам, что, повздорив с каким-то своим сокамерником, выкрасил линзы его очков в черный цвет. За свои труды он ежедневно полу-

чал небольшую плату, которую мог тратить на телефонные разговоры, письма и шоколад. Иногда он даже баловал нас с сестрой шоколадками Kit Kat, но это бывало редко.

Но заключение – а Курт отбывал свой срок в Брикстоне, Уондсворте, Мейдстоуне и, наконец, в Форд-Оупен – так ничему его и не научило. Я не могу припомнить ни единого момента раскаяния. Напротив, в нем развилась нетерпимость. Удивительно, но из Форда он вынес лютую ненависть к радио BBC 4; в шесть утра оно своими позывными будило всю камеру. Об аристократически чопорных сидельцах Форда, с которыми Курт играл в скрабл и шахматы, он рассказывал много смешного, но в самого себя он никогда не вглядывался. Моя мать – добрая, преисполненная любви и оптимизма – твердо верила, что, выйдя на свободу, Курт сможет обеспечить семье стабильность, хотя все не то что говорило, а кричало об обратном.

Когда срок Курта подошел к концу, мне исполнилось четырнадцать лет. Он невзлюбил наш муниципальный дом и свысока посматривал на соседей-пролетариев. Видимо, стремясь доказать, какой он особенный и насколько лучше своего окружения, он без конца плел небылицы, с какими знаменитостями мы состоим в родстве. Он твердил, что все они очень богаты, известны и удачливы. Его провалы как человека, отца и бизнесмена были не так заметны под сенью успеха и благополучия других.

Когда же проблемы припирали его к стенке, он начинал

говорить, что ни в чем не виноват; его детство пришлось на военные годы и поэтому-то все в его жизни пошло наперекос. Он глухо намекал, что его «преследуют» кредиторы. Все попытки помочь неизменно встречались в штыки. Освободившись, Курт вынудил Мэри уйти с работы, и мы стали жить на социальные пособия. Отец без устали и без конца спорил с матерью. Он не выносил нашего муниципального дома. В нем он чувствовал себя точно в клетке, и это выводило его из себя – как будто та Англия, которая не приняла его и посадила в тюрьму, хотела унижить его еще больше. Даже если он и хотел найти работу, сделать это мужчине на шестом десятке, с тюремным сроком за плечами, было очень и очень нелегко.

По ночам, лежа на втором ярусе кровати в нашей общей с Софией спальне, я закрывала уши подушкой, лишь бы не слышать родительского ора. Жить становилось все тяжелее. Врач прописал Курту антидепрессанты, но от них становилось только хуже. Пошли эпизоды психозов; бывало, он поднимал руку на мать. А то вдруг воображал себя собакой и принимался лаять прямо на лестнице.

Проведя несколько тягостных месяцев в Лондоне, отец перебрался в Австрию, где родился и провел первые годы жизни. Курт ехал не на пустое место: в глухой тирольской деревне Тринс, близ австрийско-итальянской границы, его ждал недостроенный дом. Они с Мэри начали его строить, когда я была совсем маленькой; тогда еще не родилась Со-

фия, и жизнь в Австрии стала для них своего рода экспериментом.

И вот, оставив нас с мамой в Лондоне, Курт двинулся туда и нанял строителей из местных, чтобы сделать дом пригодным для жизни. На каникулах я гостила у него, а ближе к осени возвращалась в Лондон, в свою реальную жизнь. Летом 1979 года, когда я в очередной раз приехала в Тринс, Курт торжественно объявил: «Я нашел для тебя лучшую школу Инсбрука. Занятия начинаются в сентябре. А София пока будет учиться здесь».

1. Я трехлетняя иду к дому в Тринсе

Курт развивал грандиозные планы. В своем «прекрасном Тироле» он хотел начать новую жизнь, которая теперь была к нему менее сурова, чем в Англии, где его отправили за решетку. «Ты здесь научишься кататься на лыжах», – возражал он на мой горячий протест против неожиданного зигзага моей подростковой жизни.

А я была очень даже против. Я любила свою лондонскую школу; я не успела попрощаться со своими подружками. Я изобретала самые хитроумные планы побега, но отбрасывала их один за другим, прекрасно понимая, что пятнадцатилетняя девушка без всяких средств, кое-как говорящая по-немецки, далеко все равно не уйдет. Можно было бухтеть сколько угодно, но выход был лишь один: попробовать приспособиться к новой обстановке. Теперь я вставала в половине шестого утра и, после двух часов пути, не позднее восьми входила в школу.

На автобусную остановку нужно было спускаться по еле проторенной тропинке. Иногда это было почти сказочно; однажды, темным морозным утром, при свете луны я увидела, как по свежему снегу трусят лисицы. Куда чаще было так мрачно, что по дороге домой я просыпала нужную мне остановку поезда и оказывалась на перевале Бреннер, чуть ли не в Италии. Приходилось слезно умолять пограничников разрешить дозвониться домой, чтобы мама организовала спасательную операцию.

После Лондона Инсбрук казался маленьким, провинциальным и очень белым. В новой школе я была единственной иностранкой и предметом острого интереса других девочек, ведь некоторые из них знали друг друга с самого раннего детства. Ко мне, новенькой, отношение было самое теплое и сочувственное. Только вот по-немецки я почти не говорила, и многое на уроках мне было тяжело и непонятно. На языке, который в лондонской школе был всего лишь одним из учебных предметов, теперь преподавалось все, и за пределами семьи он стал единственным средством общения. Через несколько месяцев досада и раздражение пошли на убыль, я вознамерилась как можно скорее выучить немецкий язык, и в отце вдруг обнаружились огромные запасы терпения: не жалея сил и времени, он сидел рядом со мной и скрупулезно переводил то, что написано в учебниках, чтобы я могла сделать домашнюю работу.

Мало-помалу я акклиматизировалась. Курт, казалось, стал спокойнее и даже радостнее. Иногда он стряпал кайзершмаррн (Kaiserschmarrn), австрийский десерт из нарезанных в лапшу блинов, которые потом обжаривают с сахаром на сковороде и подают на стол прямо так, горкой, посыпав сахарным песком, с яблочным или сливовым компотом. Это простая, сытная крестьянская еда, которой горцы нередко потчуют усталых и голодных туристов и лыжников. Иногда в Тироле местным оно служит основным блюдом.

Помню, что это было единственное блюдо, которое отец

умел готовить. В просторечье его еще называют «кайзеровским» или «императорским» омлетом. И не просто так он стал фирменным блюдом именно Курта. В Австрии он сумел, что называется, подняться, купил себе дорогую модель BMW, снова начались поставки, торговля, а с ними и нескончаемые судебные тяжбы. Новая жизнь окружила нас видимостью роскоши: зимой катались на лыжах, а летом ездили в Венецию, к морю.

Когда у какой-то из нас возникала хоть тень сомнения в успехе торговых начинаний Курта, он только отмахивался: «Все в порядке, все под контролем». Он был, как всегда, убедителен и обаятелен, и нам очень хотелось ему верить, но... прошло время, и нас снова стали одолевать раздраженные кредиторы, взбешенные судебные приставы, а на горизонте замаячило банкротство.

Маленькую синенькую машинку судебного пристава мы теперь знали очень хорошо. Наш дом стоял в стороне от шоссе, на самой окраине Тринса, а к нему вела простая грунтовая дорога с развилкой; перед домом текла быстрая речка. Чтобы оказаться у себя, мы поворачивали на развилке вправо и где-то метров через триста по узкому деревянному мосту переезжали через речку. Пристав был не дурак: он сворачивал не вправо, а влево: оттуда, через поле, ему как на ладони было видно, дома мы или нет. А нам столь же хорошо было видно, как он, стоя у машины и покуривая, смотрит на наш дом.

Если случалось, что в это время мы с сестрой были одни, без родителей, появление синей машинки пристава было знаком к началу операции «Тостер». Мы тогда только что обзавелись этим новомодным агрегатом, который делал вкуснейшие сырные сэндвичи. Как только вдалеке появлялся наш противник, мы кидали тостер в пластиковый пакет, вылезали через окно на задний двор, бежали в лес за домом и прятались там, пока пристав не уезжал. Для срочной эвакуации к окну ванной комнаты всегда была приставлена лестница. Никто из взрослых не удосужился объяснить нам, что приставов тостеры ничуть не интересуют.

Если мама тоже была дома, избиралась иная тактика. Не включая света, мы перебирались в гараж, она запускала двигатель машины, по ее сигналу я настежь распахивала ворота, и она стремительно выезжала. Дальше мне нужно было закрыть ворота, запрыгнуть на пассажирское сиденье, и тогда она на большой скорости переезжала деревянный мостик, делала эффектный поворот на поляне и мчалась к развилке.

По грунтовке ехали стремительно, чтобы успеть проскочить развилку раньше пристава. Хохоча во все горло, мы всегда оказывались впереди. В ранней молодости мама участвовала в автогонках, поэтому, садясь за руль, она не оставляла бедняге-приставу ни малейшего шанса. Очередная попытка призвать к ответу оканчивалась неудачей.

Такую жизнь я вела два года, а когда мне исполнилось семнадцать лет, из деревни я уехала в большой, по сравнению

с ней, город Инсбрук. Тогда я сдавала выпускные экзамены и не могла себе позволить тратить уйму времени на дорогу, но в родительский дом я больше не вернулась. Слишком уж непростая в нем была обстановка. Сестре же пришлось терпеть еще три года, но потом смогла уехать и она.

Хэмпшир, Англия, июнь 2017 года

Мы с сестрой Софией и с мужьями сидим в отцовском доме и перебираем бумаги, решая, что сохранить, а что передать судебным приставам. Этих бумаг тут целые груды; если в их хранении и была какая-то система, она не выдержала испытания временем. Гараж на две машины – непропорционально большой для такого скромного жилища – забит, как говорится, под завязку покрытыми паутиной картонными коробками, в которых тоже что-то лежит. Некоторые расплзлись от сырости, и их содержимое рассыпалось по цементному полу; некоторые прогрызли мыши в поисках чего-нибудь более съедобного, чем то, что в них лежало. Разбор всего этого «добра» – дело тяжелое и довольно грязное.

Сначала мы пробуем вчитываться во все подряд, но совсем скоро понимаем, что это нам не по силам, и начинаем выдергивать то, что первым попадает под руку. У Курта, похоже, не пропал ни один листок, от самого пустячного – вроде расписания прибытия наших поездов из Лондона – до действительно важного. И, обнаруживая очередное «сокровище», мы вскрикиваем то тоскливо, то изумленно, то сер-

дито.

То, что кажется нам нужным, мы складываем в отдельную коробку, ставим в стопку тринадцать старых альбомов с фотографиями. Через два дня мы уезжаем, предоставив дом его участи. Больше мы в него не вернемся.

Прожив девяносто один год, Курт Шиндлер скончался 6 мая 2017 года. Когда умирает второй родитель, ты как будто доезжаешь до вершины эскалатора. Раз – и перед тобой больше никого нет. Со всех сторон мне выражали сочувствие; я хранила упорное молчание. И сердилась.

Мы с Софией столкнулись с практическими и юридическими тонкостями вступления в наследство. Но, взирая на кипы счетов за дом, мы ясно поняли, что делать это нет никакого смысла. Дом был оформлен на мать. Курт был банкротом, поэтому мы со спокойной душой передали дом в собственность банка. На нем висело столько обременений, что удовлетворить требования всех кредиторов не было никакой возможности.

Всю свою взрослую жизнь я держала отца на расстоянии вытянутой руки и почти ничего ему о себе не рассказывала. Я боялась, как бы он во что-нибудь не вмешался. Я научилась говорить неопределенно и обтекаемо, потому что совершенно не могла предугадать, какой еще фортель он выкинет. Предсказать его было невозможно, и, даже когда Альцгеймер начал, как ржа, разрушать его интеллект, я не могла за-

ставить себя бывать с ним почаще и побольше. Я ему не доверяла.

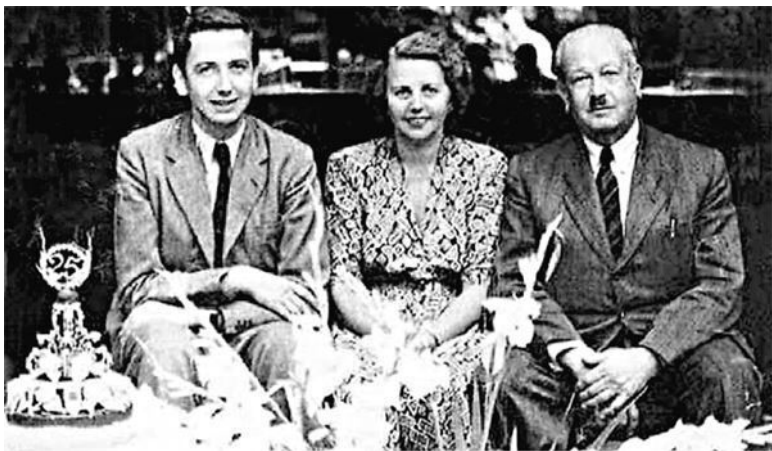
И не то чтобы он не отличался чадолобием. В нем это чувство превращалось в жажду обладания, что явствовало из документов, обнаруженных в доме. Он нанимал частных детективов, чтобы точно знать, где мы находимся и чем заняты. Когда в восьмидесятые годы, уже студенткой, я отправилась в самостоятельную поездку по Южной Америке, он пытался выследить меня и там. В доинтернетные времена это было вовсе не просто, и, естественно, он потерпел фиаско. Я не оставляла следов. Путешествуя налегке, изредка отправляя родителям заказные письма, я сумела ускользнуть у детектива между пальцев.

С младшей сестрой у Курта получилось лучше. Когда она приводила домой очередного кавалера, которого отец считал неподходящим, то начиналось тщательное расследование, что собой представляет этот молодой человек и чем занимается его семья. Детектив сообщал ему обо всем. После этого тонкие намеки о том, что семья кавалера нам не подходит, Курт превращал в ожесточенные споры, но никогда не признавался, откуда ему стало известно то или другое. Среди его бумаг мы с ужасом обнаружили подробные отчеты детективов.

Для чего он это делал? Почему стал таким? Отец был человеком, ушибленным прошлым, старыми травмами и былыми успехами. Если кредиторы не вели против него дел, он

шел в суд сам, добиваясь справедливого, как ему казалось, возмездия за несправедливость, от которой он якобы много претерпел в какие-то совершенно незапамятные времена. Он часами говорил о том, чего лишился, о компенсациях, которые надеялся отсудить. От меня это все было очень далеко, но на любой мой вопрос, предложение или мнение ответ был всегда один и тот же: «У меня нет выбора». Всякий раз он запутывал меня все больше и больше, и со временем я научилась молча его выслушивать и иногда кротко вставлять: «Мы с тобой по-разному смотрим на мир».

Мы росли в окружении теней прошлого. В родительской гостиной все свободные места были заняты вставленными в рамки черно-белыми фотографиями Австрии. Рядом с кроватью отца стояла кубастенькая, еще тридцатых годов бутылка ликера «мокко». Готическими буквами примерно на треть от ее высоты было написано: «С. Шиндлер». Она сохранилась у меня. Пробка давно уже провалилась внутрь и плавает в сладкой густой темно-коричневой жиже, пить которую уже совершенно невозможно; Курт, не мудрствуя лукаво, затыкал горлышко бумажкой, чтобы ничего не пропало.

2. Курт с родителями, Эдит и Гуго, на праздновании 25-летия кафе

Буква S, первая в немецком написании нашей фамилии (Schindler), украшала и фарфор, на котором мы ели в детстве. Кое-что есть у меня до сих пор. И бутылка, и фарфор – осколки некогда могущественной, как уверял нас Курт, империи Шиндлеров, звездным часом которой стало шикарное кафе в Инсбруке, где люди танцевали, крутили романы и где подавали самый вкусный яблочный штрудель во всей Австрии. За выпечку кафе получило золотую медаль, и у Курта было соответствующее свидетельство в красивой рамке.

Если верить Курту, у нас были не только блестящие дни, но и блестящие связи. Оскар Шиндлер, тот, кто спасал евреев в Холокост и увековечен в мемориале Яд Вашем? Ну

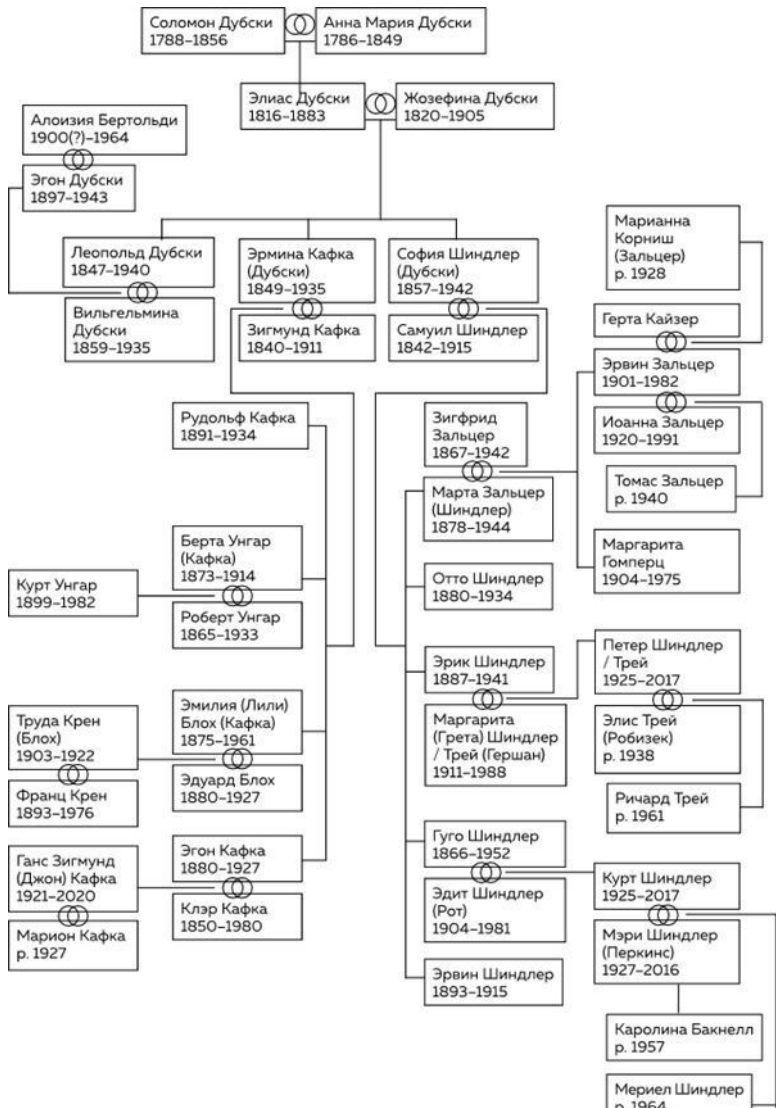
как же, мы еще в детстве слышали, что обе наши семьи происходят из одного района Южной Силезии. Писатель Франц Кафка? Тоже родственник; как и Альма Шиндлер, жена Густава Малера и Вальтера Гропиуса. Курт уверял, что и венская красавица Адель Блох-Бауер, изображенная на картине Климта «Женщина в золотом», тоже происходит из нашей большой семьи.

Но были и другие, не столь благостные рассказы о том, как наша семья оказалась на пути самых мрачных фигур европейской истории. Какая именно здесь была связь, покрыто мраком неизвестности: Курт скупился на точные факты. Свои байки он лишь слегка приправлял подробностями для большего правдоподобия, но, положив руку на сердце, в них так и осталось немало загадочного. Все детство нас окружали самые разные истории.

Даже если он и мог кое-что пояснить, поезд ушел: его больше нет с нами. Я рассматриваю черно-белые фотографии из альбомов, спасенных из отцовского дома, и вдруг ощущаю острую необходимость узнать, кто эти люди. А его уже не спросишь.

Я вознамерилась понять этого повредившегося умом человека, отделить правду от вымысла, точные воспоминания от неточных, а для этого мне предстояло с головой погрузиться в его прошлое и хитросплетения большой, длинной семейной истории. Мне предстояло основательно познакомиться с историей Австрии, понять, каково было жить

в беспокойной стране, с высот своего имперского величия упавшей в пучину Первой мировой войны, едва не исчезнувшей и поглощенной-таки Третьим рейхом. Мне предстояло точно узнать, что случилось с «империей Шиндлеров».

А кроме всего прочего, предстояло столкнуться со стеной культурных и национальных предубеждений, которая во многом определила жизненный опыт моего отца, а еще раньше – его отца и деда. «Никому не говорите, что вы еврейки», – наставлял он нас с сестрой с самого детства.

И все же мои розыски начались не в Австрии, а в Богемии.

Часть первая

1

София и Самуил

Инсбрук, лето 2019 года

Я внимательно рассматриваю фотографию, сделанную в тридцатые годы. На переднем плане женщина лет восьмидесяти, с гладкой прической, спокойно сидит на скамье и читает. На ней длинное черное платье и удобные туфли, на спинку скамьи наброшен плед на случай, если ей будет прохладно. Рядом лежат ее плащ и шляпа.

За ней небольшая полянка, а дальше вздымаются мощные сильные стволы, освещенные солнцем. Я догадываюсь, что дело происходит летом, потому что неподалеку какая-то семья расположилась на пикник: все сидят на коврике, на мальчике шорты.

Фотография, кажется, не постановочная; пожилая женщина как будто и не знает, что ее снимают. Черты склоненного вниз лица не очень различимы: она внимательно смотрит в толстую книгу, которую держит обеими руками. Я бы хотела знать, что она читает, но это осталось тайной. А вот что это за женщина, я знаю прекрасно: это моя прабабушка

София.

3. Моя прабабушка София Шиндлер, июнь 1938 года, Игльс

Эту фотографию я помню с детских лет, потому что ее вставленная в рамку копия всегда была у отца, и о Софии он всегда говорил печально, хотя и очень редко. Почему так было, я не спрашивала, а он ничего не объяснял.

Целый год после смерти отца я рылась в книгах, писала,

исследовала, работая в основном по выходным. Это помогало перенести тяжесть утраты, но отчего-то я никак не могла заставить себя открыть сундучок, куда сложила бумаги, вывезенные из отцовского дома.

Оценив масштаб того, что мне открылось, я выпросила на работе трехмесячный отпуск без содержания, чтобы поехать, посидеть в архивах и побывать в тех местах, которые я увидела на фотографиях в альбомах. В 2016 году, вскоре после референдума о выходе Великобритании из Евросоюза, я обратилась за австрийским паспортом и через два года после смерти отца была готова впервые воспользоваться им. Я взяла из сундучка то, что лежало на самом верху, и в начале лета 2019 года выехала в Инсбрук.

С самолета мне хорошо была видна зеленая лента долины реки Инн и нанизанные на нее, как бусины, дома пастельного цвета, зажатые горами. Безусловно, вид зачаровывал, хотя воспоминания о годах, проведенных здесь, были неоднозначны. Самолет опускался все ниже, я заставила себя отвлечься от детских воспоминаний и того, что слышала от отца, и принялась составлять список того, что предстояло разузнать. Самое главное, нужно было пролить свет на судьбу моих прабабушки и прадедушки, Софии и Самуила Шиндлер.

На следующий день я углубилась в содержимое тонкой бежевой картонной папки, обнаруженной среди документов, вывезенных из дома Курта. В папке лежали ветхие, обтре-

паннные по краям листы; были и испачканные, оборванные, неполные: они ведь прошли через множество рук. Даты середины XIX века указывали, что это, пожалуй, самые старые из доставшихся мне оригиналов. Они написаны красивым, но уже еле видимым почерком. Тогда я еще точно не знала, что это такое, но имена Софии и Самуила прочесть все же смогла. Я, если можно так выразиться, села им на хвост.

Поначалу чтение вызывало одну только досаду. С тех пор, когда девочкой-подростком я осторожно делала первые шаги в немецком языке, я выучилась говорить на нем бегло, но слова, на которые я смотрела теперь, не значили для меня ровным счетом ничего. Начертание многих букв было совершенно непривычным – S напоминала P, а H походила на S. Вместо двойных согласных стояло по одной, а вторую обозначала горизонтальная черта, поставленная над буквой. Я понимала разве что одно слово из двадцати. Пришлось обращаться к одному из своих инсбрукских друзей-историков, Михаэлю Гуггенбергу, и он помог мне расшифровать текст, написанный готическим курсивом (Kurrentschrift), которому больше ста лет обучали в школах Германии и Австрии.

Однажды в воскресенье Михаэль вместе со мной склонился над ветхими листами, как будто обучая чтению маленькую девочку. Дело продвигалось медленно, но неделя шла за неделей, и слова становились все понятнее, а потом мне и вовсе начали нравиться черные кружочки и палочки.

Вместе со шрифтом из тени стали выходить и мои пред-

ки. Рождение Софии Шиндлер (девичья фамилия Дубски) 27 февраля 1857 года подтверждалось изрядно потертым свидетельством, выданным Римско-католической церковью в Будвайзе. Сам этот документ назывался метрикой (*matrik*), и выдавали ее «евреям, проживающим в городе Гратцен». Так по-немецки назывался городок на границе Богемии и Австрии, в наши дни носящий чешское имя Нове-Гради. Вероятно, соответствующие данные были получены из синагоги, где зарегистрировали рождение девочки.

Еще одного весьма любопытного документа – *Taufschein*, или свидетельства о крещении, – у еврейского ребенка, казалось бы, вовсе не должно быть. Чтобы хоть как-то приспособить его к ситуации, слово «крещение» (*Tauf*) вычеркнули в шести местах, а в названии заменили словом «рождение» (*Geburt*). И это была не единственная странность. Понятно, что пол Софии был женским, однако вычеркнутое слово *Taufpathen* («крестные родители») почему-то заменили термином *Beschneidungs Zeugen* («свидетели обрезания»). Точно ли это ошибка малограмотного чиновника? Мохелом (*Beschneider*), то есть лицом, совершившим обрезание, был записан не кто иной, как книготорговец Исаак Дубски.

Я отправила копию свидетельства одному архивисту в Чехию, и он объяснил мне, что выдача такого рода документов, вроде бы странных, была обычным делом; наверное, он потребовался Софии для заключения брака или каких-то дру-

гих официальных целей. Важно, что им подтверждалось место ее рождения: Нидерталь, небольшой поселок в районе Каплиц (ныне Каплице в Чехии), прямо на границе Богемии и Австрии. Разглядывая эти места на карте, я поняла, что моя прабабушка появилась на свет в холмистой Богемии, расположенной южнее Праги.

Сейчас земли бывшего Королевства Богемия представляют собой западную часть Чешской Республики. Когда София появилась на свет, королевство управлялось из Вены кайзером – императором из рода Габсбургов, а населяли его представители нескольких национальностей из множества больших и маленьких, составлявших 36-миллионное население империи Габсбургов (численность по переписи 1851 года). Сердцем страны была Австрия, но власть империи распространялась (по крайней мере, в теории) на Венгрию, отдельные районы современных Польши, Украины, Балкан, немалую часть современной Северной Италии и побережье Адриатики вплоть до Греции.

Но больше всего меня заинтересовали средние колонки в свидетельстве Софии. Я как будто вернулась на два поколения назад. Отцом был записан Элиас Дубски, сын Соломона Дубски. Мой прапрадед владел в Нидертале домом № 29 и держал там лавочку, где торговал бренди. Он продолжил семейную традицию: его отец Соломон Дубски тоже был домовладельцем и винокурором (Brandtwein), только в соседнем городке Хлумец. Итак, я происхожу из длинной череды ви-

нокуров и владельцев питейных заведений, которые в первой половине девятнадцатого столетия расселялись по Южной Богемии.

Я обнаружила, что жизнь евреев в империи Габсбургов была очень непроста и ограничивалась множеством запретов. Евреи вынуждены были подчиняться законам, направленным на сокращение и собственно численности их национальности, и круга допустимых для них видов коммерческой деятельности, – так, евреям не разрешалось вступать в гильдии; жениться мог только старший в семье сын, да и то по достижении определенного возраста; а чтобы поселиться в каком-нибудь городе, требовалось особое разрешение.

Мне стало очевидно, что не просто так евреи Центральной и Восточной Европы занимались именно винокурением и содержанием питейных заведений. До 1860-х годов это были одни из немногих разрешенных им занятий, и понятно, почему продажей алкоголя в Богемии заправляли евреи, а искусство его производства передавалось из поколения в поколение. Рецепты хранились в семьях под строгим секретом – то были и разнообразные водки (их делали из богатых крахмалом культур, например ржи или картофеля), и бренди (из винограда или других плодово-ягодных культур), и прозрачные крепкие напитки с запахом и вкусом трав и фруктов, которые в Германии называют шнапсом (Schnapps).

Кроме того, питейные заведения ставили евреев в самый центр жизни маленьких городков. Именно в кабачках люди

встречались, узнавали новости, судачили, спорили, становились друзьями, заключали сделки и даже, бывало, поступали на военную службу. Евреи контролировали производство, поставку и сбыт алкоголя, и неудивительно, что со временем они стали играть большую, хотя и неоднозначную роль в обществе, что отразилось в следующей песне:

Shikker iz der Goy
Shikker iz er
Trinken miz er
Vayl er iz a Goy
Nikhter iz der Yid
Nikhter iz er
Davenen miz er
Vayl er iz a Yid^{1 2}.

Это весьма стереотипное представление о религиозном еврее и пьющем нееврее (гое), который не в силах устоять при виде бутылки. Иногда вместо davenen («молиться») поют lernen («учиться»), но суть не меняется: один умерен и серьезен, другой несдержан и бесшабашен. Смотрел ли еврей свысока на посетителя нееврейской национальности, когда наливал ему очередной стакан? Недолюбливал ли гой еврея за ту огромную власть, которую последний взял над ним?

---

¹ Пьет гой, / Пьяный он. / Как не пить: / Ведь он гой. / А еврей трезв, / Трезв он. / Молится он: / Ведь еврей. – *Прим. автора.*

² <https://jewishreviewofbooks.com/articles/1132/polands-jewish-problem-vodka/>.

Я как следует поразмыслила о том, что узнала из свидетельства Софии, и все начало вставать на свои места. Вспомнилось, как девочкой я ездила вместе с Куртом на сельскохозяйственно-алкогольные ярмарки, которые проводились в Австрии и Англии; мы разгуливали между прилавками, он пробовал то одно, то другое и заводил с продавцами разговоры, что мог бы помочь им прорваться на новые рынки. Чтобы войти в доверие, он рассказывал историю своей семьи. Тогда я и представления не имела, что по линии прабабушки принадлежу к династии винокуров, занимавшихся своим делом еще с середины XVIII века.

Саму Софию, ее трех сестер и двух братьев красноречиво называли типично немецкими именами: Леопольд, Эрмина, Матильда, Берта и Генрих. Такие имена давали евреи из маленьких городков, которые ощущали большее родство с Австрией и Веной, нежели с Богемией и Прагой. Они старались поскорее забыть идиш, считая его языком жившей на востоке бедноты, а сами стремились как можно скорее подняться на ноги, присвоить себе немецкий язык и культуру. Приверженность кайзеру в Богемии было демонстрировать не так-то легко, потому что чешские националисты всячески старались ослабить как его власть, так и власть Вены.

Старшие брат и сестра Софии, Леопольд и Эрмина, появились на свет соответственно в 1847 и 1849 годах, когда по Европе, страдавшей от неурожая и голода, несся вихрь революции 1848 года и возбуждал во всех неукротимое стремле-

ние к свободе. Конституционная реформа назрела, но проводилась в жизнь слишком медленно. В 1848 году восемнадцатилетний кайзер Франц Иосиф взошел на престол, твердо вознамерившись держать свою империю в узде, если нужно, и силой; но к 1860-м годам он уже сильно смягчился. Кроме всего прочего, тогда он уже очень хорошо понимал, как полезны его империи образованные евреи. Они, например, финансировали строительство железных дорог, ведение войн, организацию ткацких, пивоваренных, перегонных и сельскохозяйственных предприятий.

Рубежным стал 1867 год. После волнений в Венгрии Австрийская империя формально стала одной из частей Австро-Венгрии, «дуалистической монархии», и это было закреплено в конституции. В ходе множества реформ евреи наконец получили полные и равные со всеми гражданами права. Эффект оказался разительным, и жизнь в империи буквально закипела. Моя семья – вместе с тысячами других – не замедлила воспользоваться свободой и переехала из тесной Южной Богемии в Австрию.

Вена точно магнит тянула к себе евреев, и после 1867 года многие из них обосновались в этом городе. Мое же семейство выбрало для жительства провинциальные Линц в Верхней Австрии и Инсбрук в Тироле.

Инсбрук, лето 2019 года

В поисках еврейских могил я хожу по городу пешком.

Инсбрук маленький, и любопытные для меня места в нем расположены в шаговой доступности. Вскоре я обнаруживаю небольшое еврейское захоронение близ католического кладбища. Не помню, чтобы в детстве я бывала здесь, и сейчас мне очень интересно, что же я увижу.

Это красивый, ухоженный клин земли, обнесенный высокой стеной; она приглушает шум городской объездной дороги. За дорогой возвышаются горы, как будто глядя прямо на кладбище. Нашу могилу я нахожу быстро, она справа от входа.

Солидный, без излишеств, памятник самим своим видом говорит, что Шиндлеры обосновались в Инсбруке надолго. Впрочем, мрамор покрылся пятнами и выглядит весьма непрезентабельно, а золотые буквы сильно потускнели.

И тут я ощущаю себя полным ничтожеством: ведь за этой могилой должны ухаживать мы с сестрой, а ни она, ни я пока и пальцем не пошевелили. Я рассматриваю надписи. Здесь лежит мой прадед Самуил Шиндлер; он первым из семьи умер в Инсбруке. Дальше идут другие имена. Нет, как ни странно, только Софии, его жены и моей прабабушки.

Из архивных материалов еврейской общины Инсбрука я узнала, что Самуил Шиндлер родился в Сорау – это Верхняя Силезия, Пруссия. Сначала я думала, что и он происходил из рода винокуров, но сестра напомнила: Курт всегда говорил, что отец Самуила торговал углем.

Почему-то прусское происхождение прадеда меня вовсе не удивило. На самых ранних его фотографиях, которые у меня есть, он выглядит серьезно и сосредоточенно. Стрижка аккуратная, короткая; каждый волосок красивых усов при помощи воска уложен точно на свое место.

Этот обширный регион тянется с северо-запада на юго-восток по обоим берегам реки Одер и сейчас полностью принадлежит Польше, хотя небольшие его участки отошли Восточной Германии и Чешской Республике. Все время это была пограничная территория, и много веков государства и их правители-соперники покупали ее и продавали, делили то так, то этак. Крупнейшие дипломаты на Венском конгрессе 1814–1815 годов передали Силезию входившей тогда в силу Пруссии, уже покусившейся на традиционное превосходство Габсбургов в немецкоговорящем мире. В девятнадцатом столетии добыча угля и производство стали сделали Силезию важнейшим промышленным центром Европы. Возможно, как раз оттуда отец Самуила и возил уголь на продажу.

4. Самуил Шиндлер

На этой пограничной земле в 1842 году родился Самуил Шиндлер. Из документов, хранившихся в бежевой папке, которую я взяла с собой в Инсбрук, я узнала, что в июле 1858 года, шестнадцатилетним, он стал помощником лавочника (Handlungseleve), некоего Филиппа Дейча, проживавшего в Нойштадте. В современной Германии немало городов с таким названием (оно означает «Новый город»), но, по моим прикидкам, этот Нойштадт называется теперь Прудником и находится совсем рядом с польско-чешской границей.

Через четыре года Самуил уже был готов сменить место жительства и 1 января 1862 года, в возрасте двадцати лет, отправился в Мюнстерберг, ныне польский Зеблице. Там он начал работать у некоего Симона Вернера, торговца готовым платьем. В Мюнстерберге Самуил прожил почти два года, до декабря 1863-го, когда, видимо, поступил на военную службу. Пруссия как раз тогда начала приобретать репутацию милитаристского государства; в 1862 году была введена обязательная воинская повинность, необходимая для создания больших действующей и резервной армий, и началось активное военное строительство.

В 1866 году разразилась война между Пруссией и габсбургской Австрией, и в нее постепенно втянулись другие страны Европы и немецкоговорящие государства. Силезии угрожало вторжение Габсбургов. В общем и целом война

продолжалась чуть меньше двух месяцев, а военные действия велись в основном в Богемии, где Габсбурги вчистую проиграли сражение при Кенинггреце, одно из самых кровавых в европейской истории.

Я не знаю, участвовал ли Самуил в этой битве, но мне точно известно, что в следующем году он ушел из армии. 22 апреля 1867 года прусские военные власти выдали Самуилу сертификат об окончании действительной службы и увольнении в запас по причине слабости легких (*schwacher Brust*).

Самуил вернулся к господину Вернеру и к 1870 году сделался его главным бухгалтером и управляющим всего дела. Потом он решился действовать самостоятельно, получив самые лучшие рекомендации у господина Вернера, назвавшего его «порядочным, опытным и умелым руководителем, к полнейшему моему удовлетворению». Господин Вернер указал, что расстались они по обоюдному согласию, так как Самуил «желал попытать счастья в других странах».

Самуил явно не желал оставаться в Силезии. Политический ландшафт стремительно менялся. Пруссия на глазах становилась первой среди немецких государств. Безоговорочная победа над Францией во Франко-прусской войне 1871 года стала предпосылкой создания Германской империи, потому что крупнейший государственный деятель Пруссии, Бисмарк, прилагал огромные усилия для объединения немецких княжеств, герцогств и вольных городов под

рукой Пруссии. Вильгельм I, прусский король из дома Гогенцоллернов, теперь становился первым кайзером Германии.

Однако прусский экспансионизм не принес ничего хорошего прусским евреям. До 1871 года Бисмарк, по меркам своего времени, конечно, более-менее либерально относился к ним, и даже его войны финансировал некий крупный еврейский банкир. После 1871 года и особенно после создания Германской империи антисемитизм расцвел вокруг него пышным цветом. Думается, Самуил на себе ощущал, что обстановка становится все более беспокойной: не просто же так он ушел от хозяина и отправился в земли Габсбургов, где рассчитывал обрести бóльшую свободу, потому что в 1867 году император Франц Иосиф снял с евреев все ограничения.

Оказавшись в империи Габсбургов, Самуил, похоже, сразу принялся подыскивать себе невесту. В конце концов парой молодому уроженцу Силезии, преуспевавшему в своих делах, стала светловолосая красавица из богемской династии винокуров. По словам отца, Самуил и София заключили брак в одной из гостиниц Праги. В первые годы совместной жизни они, похоже, вели кочевую жизнь: первые два их ребенка, Марта и Отто, родились в 1878 и 1880 годах, но в разных городах Богемии. Работал ли Самуил вместе с отцом, торгуя углем? По душе ли была Софии такая жизнь?

Ясно только, что Самуил был человеком целеустремленным и действовал по плану: женившись на дочери винокура,

он тоже сделается винокуром, и никто не обучит его всем тонкостям этого дела лучше Леопольда, старшего брата Софии, который к тому времени давно и прочно обосновался в Инсбруке. Вот почему Самуил, София и двое их детей перебрались в этот город. Так они оказывались ближе к родителям Софии и некоторым ее братьям и сестрам, вместе с Леопольдом проживавшим в Инсбруке. Леопольд был пятью годами старше Самуила, и, полагаю, именно он учил Самуила искусству винокурения. После смерти Элиаса Дубски в 1883 году главой семейства стал как раз Леопольд.

Казалось бы, Инсбрук, крошечный городишко на западе австрийского Тироля, никак не мог быть местом, желанным для молодых еврейских семей. В городе не было даже синагоги. Очень может быть, что именно его размеры и привлекли Дубски и Шиндлеров, выходцев из маленьких городков; а возможно, их очаровала красота Инсбрука, спрятавшегося между высокими горами. А может статься – и я думаю, это решило все дело, – они очень точно оценили возможности развития здесь семейного винокуренного дела.

Отец уверял нас, что Самуил предпочел Инсбрук потому, что сумел разглядеть свободное место на местном рынке. В Италии Габсбургская монархия нанимала тысячи рабочих для строительства железных и шоссейных дорог, а они любили граппу – крепкий и сравнительно дешевый напиток, который делали из выжимок, остававшихся от изготовления вина, добавляя к ним кожицу и косточки винограда.

Небольшая выставка на вокзале Инсбрука говорит о том, что с 1837 года железнодорожная сеть строилась во всех направлениях от Вены. Жизнь в Тироле изменилась раз и навсегда. Работать, особенно в Альпах, было нелегко и опасно; без всяких дорожных машин, одними лишь ломами, лопатами и динамитом рабочие по двенадцать часов в сутки врубались в горы. Жили они в бараках, питались очень скудно. Смертность была просто чудовищной, и до сих пор в придорожных городках и деревеньках можно обнаружить их могилы.

Главная станция Инсбрука, с одним из самых красивых на тот момент вокзалов во всей Австро-Венгрии, открылась в 1858 году; железная дорога связала этот некогда сонный городок с другими частями империи и сделала его важнейшим перекрестком на пути с севера на юг и с востока на запад.

Самым ранним свидетельством коммерческой деятельности Самуила в Инсбруке можно считать рекламное объявление в газете 1881 года о том, что в доме № 2 по Бахштрассе он открыл производство уксуса и ликеров. Улицы этой больше нет, но Нико Хофингер, историк-краевед, утверждает, что она находилась неподалеку от Западного железнодорожного вокзала, который теперь стал грузовой станцией Инсбрук. Здесь ему было очень удобно и получать необходимое сырье, и доставлять граппу рабочим по всей железной дороге.

5. Андреас-Гофер-штрассе, 1905 год

Дела Самуила шли в гору, и со временем он начал производить не только граппу, но еще и шнапс, фруктовый сок и варенье. Для Леопольда, своего зятя, он вряд ли был конкурентом, потому что на рынке места вполне хватало и Дубски, и Шиндлерам. Через некоторое время в старой части города оба открыли небольшие магазины, где торговали продукцией друг друга.

В 1887 году семейство Шиндлер переселилось в солидный дом, недавно построенный на Андреас-Гофер-штрассе, совсем рядом с Западным вокзалом, который продолжал играть существенную роль для дела Самуила. Наверняка и София, и Самуил были рады более просторному жилью. Детей в семье было уже трое, а 30 января 1888 года София родила

четвертого ребенка, мальчика, которого назвали Гуго. Моего деда.

2 мая 1888 года Самуил гордо сообщил в местной газете «своим товарищам по ведению дел», что перенес свой бизнес в «собственный дом, расположенный по адресу Андреас-Гоферштрассе, 1» (позднее перенумерованный в 13). Нико Хофингер снабдил меня чудесной фотографией улицы, сделанной в 1905 году, на которой видно обустройство проезжей части, а рабочие, в белых рубашках и жилетках, приостанавливаются, позируя на камеру. Винокуренное производство С. Шиндлера уже стало приметой улицы.

Вестминстерская синагога, Лондон, 2019 год

Я начинаю раздумывать над планом поездки в Чешскую Республику, чтобы как следует разузнать о богемских корнях Софии. Перед этим я обнаруживаю небольшой музей, расположенный по дороге от моего дома к Вестминстерской синагоге. Здесь я могу внимательно рассмотреть свитки Торы, созданные в Богемии (см. илл. 1 на вкладке).

Из «свидетельства о рождении» Софии мне известно, что ее мать, Поликсена Фюрт, родилась в городе Хораздовиц (или Хораждовице в чешском написании). Я обнаружила также, что старшая сестра Софии, Берта, осталась жить в родном городе матери и вышла замуж за тамошнего винокура, Эдуарда Мюнца, который вместе с братом вел самое известное в Хораждовице дело: производство виски «Мюнц-

кова» (Münzkova Whisky). Берта, единственная из братьев и сестер, прожила в Богемии всю свою жизнь.

Здесь, в Лондоне, я во все глаза рассматривала свиток Торы, изготовленный в 1842 году в Хораждовице, – совсем такой же, какой, наверное, в свое время в той самой синагоге разворачивал мой прапрапрадед Вейт Фюрт. Председатель общества сохранения мемориальных свитков Джеффри Оренштейн рассказывает мне, как из маленького богемского городка этот свиток попал в большое здание в районе Найтсбридж.

С сентября 1941 года (к тому времени почти вся Чехословакия уже два с половиной года находилась под немецкой оккупацией) евреям запретили отправлять религиозные службы. 24 мая 1942 года по прямому указанию нацистов доктор Августин Штейн, глава еврейской общины Праги, разослал евреям Богемии и Моравии письма с требованием передать в недавно открытый в городе Еврейский музей предметы, представляющие историческую ценность. Джеффри полагает, что рейхспротектор Праги был библиофилом и увлеченно изучал учение евреев, хотя и не разделял их ценностей. Все беспрекословно повиновались.

Не совсем ясно, для чего нацисты издали этот приказ. Возможно (хотя и не точно), они собирались открыть Музей исчезнувшей расы. Это вполне вероятно, ведь нацисты питали поистине страсть к регистрации своих преступлений. Вот еврейские землячества Богемии и Моравии и разложили

всю свою иудаику по ящикам, чтобы отправить в Прагу. Для многих из них Хораждовице стало перевалочным пунктом.

В Вестминстерском музее я вижу зернистый черно-белый снимок: мужчины бережно вынимают из ящиков их содержимое. На пиджаке одного из них нашита звезда Давида. В ящиках присылали свитки Торы, книги, свадебные покрывала, подсвечники – в общем, все вплоть до расчесок и ножей для обрезания. Общины не поскупились: в Прагу пришло более 200 000 артефактов, в том числе и свитков Торы. Чтобы разместить все это, понадобилось сорок складских помещений. Для составления описи привлекли специалистов-евреев. По окончании работы почти всех их отправили в лагерь смерти.

Я стою в найтсбриджском музее, перед слабо освещенной стеклянной витриной с температурным контролем, и вижу перед собой десятки свитков, разложенных на полках. Поначалу они напоминают рулоны ткани в мастерской какого-нибудь драпировщика, но я смотрю внимательно и начинаю различать структуру пергамента и понимать, как каждый свиток намотан на два деревянных валика. Каждый свиток, или Сефер-Тора, намотан на два-три таких валика, которые на иврите называются «ацей-хаим», или древо жизни; они похожи на огромные иголки и нужны для того, чтобы каждую неделю перематывать свиток, когда на службе зачитывается нужный отрывок.

Наконечники нескольких валиков украшены изящной

резьбой; но в основном это просто деревянные палочки, какими пользовались в небогатых городках. С некоторых свитков свисают небольшие коричневые бирки, как с сумок и чемоданов, хранящихся в столе находок. Меня очень трогает это зрелище, и к глазам подступают слезы. Джеффри не удивлен: по его словам, так на свитки реагируют все.

Мне трудно понять, почему общины так легко расставались со своим имуществом. Что, запрет на проведение религиозных служб означал, что они им перестали быть нужны? Или же они послушно выполнили указания из Праги? За несколько месяцев до этого из Богемии в Освенцим уже пошли первые поезда, и, может быть, то была последняя отчаянная попытка спасти самое дорогое – если уж не свою жизнь, то хотя бы священные реликвии.

Джеффри рассказывает, что через три года после падения германского рейха Чехословакия получила правительство коммунистов и оказалась за железным занавесом. Свитки, тщательно собранные нацистами, ссыпали в пластиковые мешки и свезли в закрытую синагогу, где они шестнадцать лет пролежали в сырости. В 1963 году правительство Чехословакии, испытывая недостаток в зарубежной валюте, выставило-таки свитки на продажу. После тщательного осмотра и непростых переговоров, при посредничестве щедрого жертвователя, в следующем году 1564 свитка доставили в Вестминстерскую синагогу, и это собрание стало крупнейшим в мире.

Вестминстерская синагога наняла софер-сетама (писца), чтобы поправить те свитки, которые еще можно было спасти. Он добросовестно проработал несколько десятилетий: Джеффри рассказывает мне, что переписывание и исправление свитка регулируется более чем 4000 правил. Потом синагога учредила Общество охраны свитков для сохранения, восстановления и передачи их еврейским общинам всего мира.

6. Распаковка ящиков, предназначенных для Еврейского музея в Праге, ок.1942 г.

Джефри говорит, что когда-то у них было десять кабинетов, но они отреставрировали и раздали столько свитков, что теперь достаточно одного. Я снова рассматриваю свитки на полках и замечаю, что несколько штук совсем разорваны и сильно потерты. Некоторые повреждены уже настолько, что ими просто нельзя больше пользоваться. Религиозные правила требуют «похоронить» такой свиток, но у Вестминстерской синагоги есть оборудование, которое позволяет демонстрировать эти реликвии давным-давно исчезнувших с лица земли общин.

Хораждовице, где жили мои предки, в XIX веке процветало. Филиппа Бернгард, автор книги по истории свитков, подсчитала, что в 1941 году на оккупированной немцами территории Чехословакии – в так называемом протекторате Богемии и Моравии – проживало 92 199 евреев. К 1945 году их осталось примерно 7884.

Сегодня в Хораждовице евреев нет вообще.

Соленья для императора

Линц, август 2019 года

Знойный летний день, и я снова на австрийском кладбище, но теперь в другом провинциальном городе – Линце, в Верхней Австрии. Сюда, на окраину, я дошла пешком минут за двадцать. И вот теперь я прохожу несколько католических участков, каждый размером с хорошее футбольное поле, с могилами, на которых лежат яркие цветы, и наконец добираюсь до темного уголка, куда ведет узкая ржавая калитка. Надпись на табличке гласит: «Вход под личную ответственность».

Контраст еврейских и католических традиций захоронения особенно заметен, если, как здесь, мертвые лежат рядом. Могилы католиков любовно ухожены, на них стоят цветы, свечи, картинки, иконки, кое-где фотографии. На одной могиле я замечаю снимок мужчины в эсэсовской форме. На еврейских кладбищах лирики гораздо меньше. На могильных памятниках можно прочесть лишь имена, даты, иногда род занятий и очень редко несколько слов о том или той, кто здесь лежит. Ни цветов, ни картинок, ни намек на украшения. Почти на каждой могиле один-два камешка, положенных на деревянную дощечку, – знак того, что сюда приходили.

Утром я взяла ключ от этой самой калитки – маленький, серебряный, на плетеной сине-белой веревочке – в еврейской общине Линца, где мне строго-настрога сказали: «Когда войдете, запирайте за собой калитку. Посторонним нечего совать туда нос. А потом бросьте ключ в почтовый ящик». Ключ я получила только после того, как предъявила паспорт. И вот не без трепета я открываю висячий замок, распахиваю калитку и в первый раз оказываюсь на еврейском кладбище Линца. Здесь никого нет. Как велели, я запираю за собой калитку. И вот я один на один с евреями, упокоившимися в городе Линце, который Адольф Гитлер называл родным домом.

Betreten
auf eigene
Gefahr!

IKS Linz

7. *Калитка еврейского кладбища Линца, с предупредительной табличкой «Вход под личную ответственность»*

Еврейское кладбище Линца, сильно заросшее крапивой и сорняками, очень солнечное и тихое, правда заброшенное и грустное. Высокие памятники из черного мрамора в самом центре походят на строй, не в ногу марширующий по направлению к калитке. В самой середине лежит моя двоюродная бабушка Эрмина Кафка. Рядом – ее муж, Зигмунд. «Справедливость, любовь к миру, истина и вера в Бога были путеводными звездами его жизни», – гласит надпись на могильном камне (см. илл. 2 на вкладке). У Эрмины, большой любительницы музыки, надпись короче: «Смерть не страшна: стихла одна мелодия, зазвучала другая».

Я стою, размышляя, было бы приятно моим предкам, что к ним пришла их двоюродная племянница, как вдруг замечаю крупного русого зайца, большими скачками убегающего от их могилы. Я смотрю, как он поводит длинными ушами, и улыбаюсь; наверное, это единственный товарищ лежащих здесь. А потом я вспоминаю, зачем пришла. Отец часто, но непонятно почему хвастался семейством Кафка. Мне не терпится выяснить, правду ли он говорил.

Эрмина была коротышкой с густыми темными волосами, серо-голубыми глазами, высоким лбом и большим ртом. Она нежно любила свою младшую сестру, Софию, обладательни-

цу всего, чего не доставало старшей: высокого роста, светлых волос, яркой красоты. И у Эрмины были достоинства. Она превосходно играла на фортепиано и любила читать, хотя уже с детства, как другие братья и сестры, усердно трудилась на семейной винокурне и на маленьком предприятии в Богемии, так что на музыку и литературу времени почти совсем не оставалось.

«Да-да, – бывало, бахвалился отец, – мы с тем Кафкой родня». Он имел в виду ни много ни мало знаменитого писателя, Франца, автора «Превращения» и «Процесса». В его пражском музее можно узнать, что сам Кафка с родителями проживал в Праге, но вот его дед, Яков Кафка, торговал кошерным мясом в деревне Осек, расположенной восточнее Хораждовице. Не очень сложные расследования в области генеалогии показали, что Кафка действительно наш очень дальний родственник. Он был двоюродным братом жены двоюродного брата отца. И если уж Франц Кафка считался родственником, то же можно было сказать и чуть ли не обо всех евреях Восточной Богемии. Курт, возможно, был прав, но такие притязания на «славу» слишком недостойны для представителя семейства Шиндлер. Впрочем, Курт рассказывал о своих линцских родственниках не только это.

В Линц Эрмина с Зигмундом переехали в 1873 году, воспользовавшись свободой передвижения, которую получили евреи. Зигмунд стал работать у старшего брата; тот уже давно основал там винокуренное дело. Компанию переимено-

вали: Ludwig und Sigmund Kafka, Kaiserliche und Königliche Hoflieferanten. Brandtweine, Konserven, Essig, Senf, Gurken. К счастью, потом они придумали для нее аббревиатуру из начальных букв своих имен: LUSKA. Перевод полного названия: «Людвиг и Зигмунд Кафка, поставщики бренди, консервов, уксуса, горчицы и маринованных огурцов к императорскому и королевскому двору». Так что LUSKA была своего рода высочайшим патентом, знаком хорошего качества продукции. Мне понравилось и помпезное название компании, и мысль, что сам император Франц Иосиф, возможно, был равнодушен к маринованным огурцам, производившимся этой ветвью моей семьи.

Понятно, что этот патент был ценным инструментом бизнеса, который в неумелых руках мог бы закончиться крахом. Тони Нагиллер, владелец небольшого производства шнапса в Инсбруке, доказал мне, что производство алкоголя требует терпения и опыта. Из конечного продукта нужно удалить метанол, но, если метанол вдруг перепутают с этанолом, последствия могут быть самые страшные: рюмка алкоголя, содержащая лишь десять миллилитров метанола, в организме превращается в муравьиную кислоту, а та пагубно действует на зрительный нерв и может вызвать слепоту; тридцать миллилитров метанола могут убить.

В городском архиве Линца, расположенном в современном, малолюдном здании на берегу Дуная, напротив старой, барочной части города, я обнаружила регистрационные кни-

ги местных торговцев и узнала, что уроженцы Южной Богемии Зигмунд и Людвиг в 1873–1874 годах были записаны винокурами. Их производство располагалось по адресу Ландштрассе, 38–44. Я ходила туда, на главную улицу Линца, и увидела красивое здание с двумя входами, где теперь располагается один из супермаркетов сети Villa.

В общем-то я огорчилась, что братья, несмотря на высочайший патент, оставили по себе так мало памяти в Линце. Больше дала встреча с внуком Эрмины, Джоном Кафкой, который живет сейчас в Соединенных Штатах. От него я узнала, что у Эрмины и Зигмунда было четверо детей: Рудольф (1871 г.р.), Берта (1873 г.р.), Эмилия (Лили, 1875 г.р.) и Эгон (1880 г.р.). Джон был сыном Эгона. По его словам, тетя Берта отличалась застенчивостью и страдала от косоглазия. Ее сосватали за Роберта Унгара, и этот брак оказался несчастливым. Каждое лето она приезжала в Линц, к Эрмине и Зигмунду.

В один из таких приездов заболел маленький сын Берты, Курт, и Эрмина обратилась за помощью к молодому врачу-чеху. С его посещения начался совершенно неожиданный поворот в истории моих линцских родственников.

Линц, 14 января 1907 года

Каждое утро, до начала приема, доктор Эдуард Блох проходил короткое расстояние от своей квартиры до маленькой синагоги на Бетлехемштрассе. Человек добропорядоч-

ный, доктор молился о своих пациентах, количество которых росло не по дням, а по часам с тех пор, как он снял просторную квартиру в красивом доме Палас-Вайсенвольф на Ландштрассе, за несколько кварталов от Эрмины и Зигмунда. Это было пять лет назад. Теперь же он наслаждался всеми удовольствиями принадлежности к высшему обществу Линца: обстановка здесь была совсем не такой напряженной, как в Праге, где он, молодой врач-еврей, опасаясь антисемитов, даже днем ходил по своим делам с пистолетом в кармане. В Линце же он буквально расцвел.

Сегодня он ждал на прием новую пациентку, хрупкую, на вид небогатую вдову; она жила в тесной, скромной квартирке на Гумбольдтштрассе. Доктор Блох потом вспоминал, что это была бледная, привлекательная женщина средних лет с сияющим взглядом серых глаз. Он осторожно и, как всегда, добросовестно начал расспрашивать ее, чем может помочь. Она пожаловалась на ужасные боли в груди и бессонные ночи. Ему становилось ясно, что у нее был за недуг, но для начала нужно было заполнить медицинские документы, а прежде всего выяснить имя и фамилию. В журнале посещений появилась аккуратная запись: возраст – 47 лет. Имя – Клара. Фамилия – Гитлер.

Когда доктор Эдуард Блох приехал к больному мальчику Курту Унгару, он еще не окончательно обосновался в Линце, хотя уже начал приобретать хорошую репутацию. То было

его первое знакомство с семейством Кафка, о чем он упомянул в своей неопубликованной автобиографии, хранящейся теперь в вашингтонском Музее Холокоста.

Он учился в столице Богемии, Праге, но с Линцем познакомился еще в молодые годы, проходя обязательную для всех военную подготовку. Неудивительно, что австрийский город полюбился ему больше чешского. Пока он учился в Праге, евреев там не любили заметно сильнее, врачам с трудом находили постоянную работу в местном университете, а кроме того, на глазах росла напряженность между чешско- и немецкоговорящим населением Богемии. Линц казался во всех отношениях более подходящим, хотя без антисемитизма не обходилось и там.

Знакомство доктора Блоха с семьей Кафка оказалось удачным, потому что благодаря его стараниям маленький Курт поправился. Вскоре младший брат Берты, Эгон, слег с тяжелым тифом. Его сестра Лили писала в своих воспоминаниях (также хранящихся в Музее Холокоста), как они с доктором выходили Эгона, каких усилий это стоило и как много бессонных ночей они провели у его кровати. Тогда-то, по воспоминаниям Лили, они с доктором «увидели друг друга такими, какие есть». К выздоровлению Эгона Лили и Эдуард успели влюбиться друг в друга.

Живой, энергичный молодой доктор с большими темными глазами и длинными усами, однако, вовсе не соответствовал представлениям Эрмины о будущем зяте: она скорее

предпочла бы человека делового. Лили упрямо хотела замуж только за Блоха, не желая повторять роковую ошибку старшей сестры. Лили обратилась за помощью к бабушке, Жозефине Дубски, которая как раз тогда приехала к ним в гости из Инсбрука. С 1883 года, после смерти мужа, Элиаса, она жила с Софией и Самуилом Шиндлер в квартире на Андреас-Гофер-штрассе. Удивительно, однако Жозефина приняла сторону Лили. Как вспоминал Джон Кафка, Эрмина буквально взбесилась и так скверно поговорила с матерью, что та спешно ретировалась обратно в Инсбрук.

Лили настояла на своем. В 1902 году они с доктором Эдуардом Блохом стали мужем и женой. Несмотря на отношение Эрмины, свадьба получилась пышной и веселой: друзья и родственники съехались отовсюду. Свадебная фотография хранится в вашингтонском Музее Холокоста. Молодые женщины были в белом, женщины постарше – в черном, мужчины – в элегантных смокингах и цилиндрах.

8. Свадебная фотография Лили и Эдуарда Блох. Эрмина и Зигмунд сидят слева от жениха и невесты

По лицам на других фотографиях, сохранившихся в отцовских альбомах, я вроде бы сумела узнать на этом снимке кое-кого из молодых Шиндлеров: в заднем ряду, третий слева, кажется, мой двоюродный дед Отто. А двоюродная бабушка, Марта, стоит в среднем ряду, четвертой слева. Из личного дневника Марты мне известно, что она была очень близка со своими линцскими родственниками.

Вскоре после свадьбы Эдуард перенес свою медицинскую практику в более просторное помещение на первом этаже дома Палас-Вайсенвольф, № 12, по Ландштрассе; там же располагалась и его квартира (см. илл. 3 на вкладке). На этом красивом старом здании, построенном еще в 1715 году, мускулистые, почти обнаженные атланты все еще держат балкон второго этажа, с которого Эдуард и Лили, наверное,

смотрели вниз, на прохожих. В следующем, 1903 году у Эдуарда и Лили родилась их единственная дочь Труда.

А медицинская практика становилась все обширнее. Эдуард оказался настоящим доктором и не отказывал в помощи ни одному человеку, даже если он был не в состоянии оплатить его услуги. Вот почему в своей автобиографии Эдуард написал, что, когда 14 января 1907 года к нему пришла тяжело больная Клара Гитлер, он ее принял.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.